

для сердец наших отцов

На вечеринку я решила надеть кимоно и шпильки, потому что хотела, чтобы все увидели меня в кимоно и на шпильках. Я попыталась засунуть в волосы палочки для еды, которые достала из кухонного ящика, но мне показалось, что это уже чересчур, так что я положила их обратно. В какой-то момент я даже подумала, а не выкрасить ли мне эти коричневые палочки в черный, он больше подошел бы к моему наряду. Но один только факт того, что я вдруг задумалась об этом, озадачил меня, так что я решила вовсе отказаться от палочек, которыми люди обычно засовывают себе в рот лапшу. Перекрашенные или нет, они все равно остаются палочками для еды. Именно для этого их используют испокон веков. Тысячелетий даже. Так что пусть палочки для еды остаются сами по себе, а мои волосы — сами по себе.

Я уже давно мечтала надеть это кимоно и эти шпильки, и сегодняшняя ночь — та самая ночь. Шпильки мои — какие надо шпильки, лакированные, черные, блестящие. Кимоно — красное, шелковое, с рукавами, точно крылья. Рукава, думается

мне, — часть традиций или чего-то вроде. Просто мне они напоминают исключительно крылья. Не знаю, почему они такие широкие и есть ли в этом какой-то практический смысл, но, видите ли, это вообще никого не колышет.

Чтобы выглядеть пристойно, под кимоно я натянула черную юбку из спандекса. Так себе пристойность, конечно. Потому что я никогда не ношу дурацкие трусы.

Увидят меня в этом наряде все, кого я знаю и не знаю. То есть у меня есть приглашение на эту вечеринку. То есть я буду там на совершенно законном основании. Моя самооценка ничуть не поперхнется от обилия народа. Да многие меня даже и не вспомнят, так что я долго смогу оставаться неузнанной и потому нараспашку.

Вот, прямо сейчас, я прямо вижу, как там уже собираются люди; они пока безлики, как монстры из одной жутковатой компьютерной игры, и все в восторге от меня. Благодаря им жизнь стоит того, чтобы жить, так что я точно знаю, кто и каковы они, даже не видя их прямо сейчас и прямо отсюда. Я просто представляю их, одеваюсь для них и возлагаю на них большие надежды, воображая свою связь с ними. Думаю, все эти безликие монстры тоже в восторженном предвкушении вечеринки, как и я. Потому что, пока мы не встретимся и не поговорим, мы все остаемся в предвкушении чуда. Моя мечта — оставлять людей в изумлении, ни много ни мало. Это безопасно, это сексуально, и мне хочется, чтобы это длилось вечно.

Таинственность — мой любимый аксессуар.

Собираясь, я не перестаю оглядываться через плечо — вдруг кто-то ворвется ко мне в комнату без предупреждения. Музыка играет слишком громко, боюсь, я могу не услышать стук и слишком поздно замечу невольного свидетеля. Даже не представляю, что этот невольный свидетель может подумывать. Не хочу это представлять.

Одно дело, когда тебя унижают по каким-то причинам, и совсем другое — стать причиной этого унижения. Мне страшно не хочется брать на себя такую ответственность. У меня вообще есть склонность сглаживать острые углы в отношениях с окружающими, но перспектива поступать так со всеми меня ужасает. На самом деле я не слишком рвусь заботиться о людях без их на то запроса и вообще обычно по уши занята собой или кем-то другим. А третьего не дано.

В любом случае. Я слышу, как внизу все время кто-то ходит, и это чертовски раздражает. Я чувствую, как эти шаги эхом отдаются у меня в груди. Как я дошла до такого? Боюсь, что ко мне в комнату ворвется кто-то непрошенный. У меня даже волосы встают дыбом, и голова все время поворачивается к двери. Что это? Одержимость? Паранойя? Повышенная тревожность? Я вообще совершенный интуит и идеалист, иногда до абсурдности. Хорошо, что у меня есть котик. Его зовут Свинтус, и он очень мне помогает.

Свинтус — абсолютно рыжий кот. Его задача — сидеть на кровати и смотреть на меня, не сводя

глаз. У него это отлично получается. Он сам придумал себе это занятие и выполняет его безупречно, еще ни разу не подвел. Я однажды прочитала в какой-то книжке, что человек не должен слишком сильно сближаться с животными, потому что это отдаляет его от представителей своего вида, а буквально сразу после этого мой парень прочитал мне вслух из другой книжки небольшой отрывок, где говорилось, что люди, сочувствующие животным, которых выводят на корриду, совсем не сочувствуют больше никому и вообще, скорее всего, они скрытые психопаты. Помню, мы с парнем находились в этот момент на кухне. Зачитав отрывок, он глубоко вздохнул и принялся давить авокадо для гуакамоле.

Да, у меня очень сложные связи с представителями своего вида. Животное в себе я люблю больше человеческого. И спокойнее всего мне только со Свинтусом. Меня не волнует, о чем он может или не может думать, как не волнует, что случится или не случится дальше. Свинтус вообще очень четко знает, чего хочет. Ему не нужно никого вводить в заблуждение, и уж тем более — ему не нужно врать. Вот он нежится на солнышке и ждет, когда кто-то почешет ему пузико. Или явно предпочитает тунца сардинам. Потому что сардины оставляет в миске, а тунца съедает подчистую. Или вот он аккуратно положил свой мячик на ступеньку лестницы — значит, настало время играть.

Мы со Свинтусом как будто одно целое, больше ни с кем у меня нет такого ощущения. Наш бессловесный союз воспроизводит тишину утроб, покинутых нами давным-давно. На самом деле мы не

можем быть такими уж разными, потому что способ нашего прихода в этот мир одинаков — мы оба произошли из одного места, живем в одном месте и однажды, когда умрем, тоже окажемся в одном месте.

Должно быть, Свинтус тоже так чувствует, поэтому никуда от меня не уходит. Да он вообще никуда не хочет уходить, ему прекрасно и тут, в нашем общем с ним пространстве. Все, что он делает, каждый звук, который он издает, и каждый кусочек копченого лосося, который он облизывает и пожирает, — все говорит о его непоколебимой уверенности в принятых решениях. Я вообще не вижу причин сомневаться в Свинтусе и совершенно доверяю ему в выражении этого удовлетворения нашим совместным существованием, потому что, если кто-то недоволен и хочет уйти, он просто встает и уходит.

Свинтус — еще и живое напоминание мне о том, почему я не ем ничего даже близко похожего на свинину. Я смотрю на своего кота и понимаю, что я в полной безопасности, и точно знаю, что никогда не съем ни одного из его сородичей, ни даже производных от них. Свинтус — не бутерброд и не стейк. Он просто кот, который живет со мной. Как и все другие животные, которые живут рядом с другими людьми — повсюду, во всех уголках земли. Причем не только в домах или на фермах, но и в море, в воздухе, в джунглях и тропических местах, в обычных лесах и парках — в общем, везде, где только могут обитать животные. Мы просто случайно оказались в одно время в одном месте — вот и все, что мы об этом знаем. Так что да, Свинтус для меня — это все

животные в целом, и я его страшно люблю. Да только взгляните на него! У него есть своя маленькая душа, задача которой — смотреть на меня круглые сутки. И это делает меня счастливой.

Когда он сидит у меня на коленях, я говорю ему, что на самом деле он бог. На этих словах он закрывает глаза, и, я уверена, он все понимает. Да мы все боги! Древние египтяне вообще избавлялись от тех, кто был с этим не согласен.

Мой бывший парень однажды заявил, что я со своим котиком должна «перестать прикидываться Холли Голайтли», на что я ответила, что тогда он должен перестать прикидываться полезным членом своего вида, то есть человечества, и цитировать всякую попсу, которой набита его голова. А то, что он считает, будто я по части женственности должна соответствовать мужским фантазиям, говорит больше о нем самом, чем обо мне. Сейчас он ударился в рекламу — там ему самое место. Несмотря на то что вместе мы были целый год, я о нем даже не вспоминаю, пока не поговорю со своей психологиней.

Я делаю глоток мартини с водкой и оливкой, перед тем как выйти, потому что папа готовил маме мартини с водкой и оливкой каждый вечер перед ужином. Это был их ежевечерний ритуал. После длинного рабочего дня, когда он писал и изучал что-то, он включал свое любимое телешоу и насыпал в миску гору фисташек. Мама клала ноги на журнальный столик, чистила фисташки своими длинными бледно-розовыми ногтями, слизывала со скорлупы соль, делала из бокала глоток и хрустела орешком.

Папа всегда очень гордился тем, что у него получается самый крепкий мартини. Многие его друзья, отведав напитка, частенько валялись с ног прямо на лужайке. Зато сам он никогда не пил.

Так что мартини с водкой и оливкой — дань семейной традиции, которую я не нарушаю. В мартини с водкой и оливкой есть нечто декадентское и честное. Никаких дрожжей, никакой кислоты, никаких пузырьков, все это только отвлекает внимание. Я же люблю ощущать саму жизнь, без лишних примесей и прикрас, поэтому и алкоголь люблю тоже без лишних примесей и прикрас. В этом

напитке он чувствуется именно таким. От мартини с водкой и оливкой ничто не скроешь.

У того же джина нет ни похожего вкуса, ни похожих ощущений, и я не знаю почему. Водка же, холодная, прозрачная, бьет под дых, точно кувалда. Так что прости меня, бывший мой парень, ты любил джин с тоником и огурцом, а это совсем другое. В моем семейном мартини нет ни капли джина, и дальше можно не продолжать, потому что скучно.